

А.Ф. Кистяковский

**О пресечении обвиняемому способов
уклоняться от следствия и суда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Ф. Кистяковский**
О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А.Ф. Кистяковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 195 с.

ISBN 978-5-518-10584-3

ISBN 978-5-518-10584-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тогдашнимъ бытомъ славянскихъ племенъ, онѣ — нѣтъ въ томъ сомнѣнія—первоначально были поруки рода, племени.

Съ возникновеніемъ общегосударственной власти поруки не только не были уничтожены, но и получили утвержденіе отъ этой власти. Что онѣ оставались самымъ народнымъ и самымъ общепотребительнымъ учрежденіемъ—можно судить потому, что послѣ Русской Правды почти нѣтъ законодательнаго памятника, въ которомъ бы не было о нихъ упоминанія, а равно и потому, что даже позже сами князья и цари къ нимъ прибѣгали для чисто государственныхъ цѣлей. (А. Юр. изд. 1838 г.: №290—поручныя по крестьянахъ и бобыляхъ, № 291—по посошныхъ людяхъ, № 292—по крестьянахъ о поставкѣ ими лѣса, № 293—о явкѣ ихъ въ назначенный срокъ предъ волостными начальниками, № 294—по ямскихъ охотникахъ, № 296—по стрѣльцахъ и пр.) И тотъ фактъ, что онѣ долго остаются сильнымъ и часто примѣняемымъ учрежденіемъ, не былъ дѣломъ случая или произвола, а коренился въ цѣломъ общественномъ строѣ, и въ свойствахъ тогдашней уголовной юстиціи.

§ 3. Появленіе княжеской власти не было, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаніемъ существовавшаго до нихъ быта и устройства: они были такъ еще могущественны, что князья не въ состояніи были ихъ измѣнить и только спѣшили ими воспользоваться для своихъ цѣлей.

До князей отправление юстиціи было дѣломъ и интересомъ каждой родовой ассоціаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе ихъ сопровождалось значительнымъ политическимъ объединеніемъ этихъ ассоціацій; но въ дѣлѣ суда вообще и уголовного въ частности объединеніе выразилось въ слабой еще степени. Князья смотрѣли на уголовный судъ болѣе со стороны интереса, болѣе съ финансовой точки зрѣнія, т. е. восприняли въ значительной степени возрѣніе тѣхъ племенъ, надъ которыми они стали княжить. До нихъ судъ не имѣлъ общаго центра, а былъ разбитъ и раздѣленъ по племенамъ. Пришедши княжить и владѣть, князья блюли судъ какъ доходъ, раздавали его въ кормленіе своимъ дружинникамъ, отдавали въ собственность монастырямъ, продавали, мѣняли.

Какъ власть княжеская вообще, такъ и уголовный судъ были раздѣлены между многими князьями. Раздѣлялъ ли князь свое княженіе между своими женою и дѣтьми, давалъ ли онъ своему брату или другому родственнику въ удѣлъ городъ, или половину, треть его, волость, село въ чужомъ удѣлѣ, принимавшій князь или княгиня получали эти земли въ управленіе съ данью и судомъ въ цѣломъ его объемѣ: «а судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ» (Гос. гр. и дог. т. I, № 40); «а въ твой ми удѣлъ приставовъ не всылати, тако же и тобѣ въ мой удѣлъ, своихъ приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье» (Гос. гр. и дог. т. I, №№ 27, 29, 35, 80). Это—обыкновенныя выраженія договорныхъ и духовныхъ княжескихъ грамотъ. И дѣло уголовного суда было частнымъ, собственнымъ дѣломъ каждаго князя, или княгини, державшихъ свой удѣлъ.

Но это дробленіе и раздѣленіе суда вообще и уголовного въ частности не оканчивалось только князьями.

Въ свою очередь каждый князь и княгиня въ своемъ удѣлѣ, маломъ ли большомъ ли, раздавали уголовный судъ, въ цѣломъ его объемѣ, на тѣхъ же правахъ, на которыхъ они сами имъ владѣли, митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ, церквамъ, членамъ дружины.

Грамоты княжескія на отдачу уголовного суда, въ полномъ его объемѣ, численными лицамъ и учреждениямъ, начиная съ XII столѣтія, продолжаютъ до конца XV в., и даже встрѣчаются, въ видѣ исключенія, въ XVII в.; затѣмъ идутъ тѣ же грамоты въ большемъ числѣ и далѣе, даже до второй половины XVII столѣтія, съ тѣми только различіемъ, что начиная съ XIV столѣтія въ нихъ уголовный судъ уступается въ ограниченномъ объемѣ, сначала за исключеніемъ душегубства, потомъ душегубства и разбоя, наконецъ и татьбы.

Въ грамотамъ, въ которыхъ уступался уголовный судъ въ цѣломъ его объемѣ, принадлежатъ слѣдующія уставныя и жалованныя грамоты, данныя разными великими и удѣльными князьями, а также ханами Золотой орды: 1) новгородскому Юрьеву монастырю между 1128—1132 (Доп. къ А. И. т. I, № 2); 2) церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ 1134—1135 г. (ib. № 3); 3) Смоленской епископіи въ 1150 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 4); 4) четыре ханскихъ ярлыка митрополитамъ: Петру въ 1313 г., Феогносту въ 1333 г., Алексѣю въ 1357 г. и Михаилу въ 1379 г. (Гос. гр. и дог. т. II, №№ 7, 9, 11 и 12); 5) двѣ гр. тверскому Отрочу монастырю, первая отъ 1361—1365, и вторая между 1437 и 1461 г. (А. Э. т. I, №№ 5 и 34); 6) уставная между вел. кн. Василіемъ Дмитриевичемъ и митрополитомъ Кипріяномъ между 1389 и 1404 г. (А. Э. т. I, № 9); 7) три гр. Троицкому Сергіеву монастырю отъ 1363 — 1386, 1443 и 1455 — 1465 (ib. №№ 7, 38; А. И. т. I, № 58); 8) Толгскому мон. 1400 г. (А. Э. т. I, № 15); 9) Солотвическому м. двѣ отъ 1402 г., и одна между 1430 — 456 (А. И. т. I, №№ 13, 14, 36); 10) Срѣтенскому женскому 1437 — 1461 г. (А. Э. т. I, № 35); 11) Благовѣщенскому 1446 (ib. № 39); 12) Чухломскому отъ 1450 г. (А. И. т. I, № 49); 13) Кириллову-Бѣлозерскому 1471 г. (ib. № 95) и 1471—1475 (Доп. къ А. И. т. I, № 207); 14) Спасо-Каменскому мон. 1479 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 17); 15) Суздальскому Покровскому мон. 1606 г. (А. И. т. II, № 75); 16) Патриаршѣй домовою Карашской отчизнѣ грамота, данная Алексѣемъ Михайловичемъ до 1653 г., въ подтвержденіе подобныхъ же грамотъ великихъ князей, начиная съ Василія Дмитриевича, заключившаго мѣновую сдѣлку съ митрополитомъ Кипріяномъ (А. И. т. IV, № 73). Въ древнѣйшихъ изъ сихъ грамотъ говорится, что князь даетъ весь судъ *съ вирами и продажами или съ виномъ и поличнымъ*; въ болѣе позднихъ передача уголовного суда въ полномъ объемѣ выражается или словами: *намыстницы наши и волостели и изъ тѣхъ не въздятъ и не судятъ ихъ людей ни въ чемъ и не взымаютъ къ тѣмъ людямъ ни почто*, или же—и это чаще: *и въ душегубствѣ, и въ разбой, и въ татьбѣ бояре наши, и намыстницы и волостели и изъ тѣхъ не судятъ ихъ людей, а судитъ митрополитъ или архимандритъ или кому они прикажутъ*, словомъ, то лицо, или начальникъ того учрежденія, коему отдается право суда. Нѣтъ сомнѣнія, подобныя грамоты давались и от-

дѣльнымъ лицамъ—служилымъ людямъ; князья, давая имъ въ помѣстье землю, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляли имъ и право суда. Хотя въ обнаруженныхъ законодательныхъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ грамотъ о пожалованіи отдѣльныхъ лицъ правомъ уголовного суда въ полномъ его объемѣ, тѣмъ не менѣе можно думать, что они были. Этотъ выводъ мы основываемъ на томъ, что существуютъ грамоты съ предоставленіемъ отдѣльнымъ лицамъ права уголовного суда, съ изытіемъ изъ нихъ вѣдомства или одного душегубства (А. Э. т. I, № 44), или душегубства и разбоя (А. И. т. I, № 115), или, наконецъ, душегубства, разбой и татбы (Д. къ А. И. т. I, № 123). Достоинно замѣчаніи, что всѣ эти грамоты унападаютъ на то время, когда митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ и церквамъ давался судъ съ подобными же ограниченіями.

Число грамотъ съ уступкою всего уголовного суда, какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня, не велико, по крайней мѣрѣ несравненно меньше числа тѣхъ грамотъ, въ которыхъ уголовный судъ отдается въ ограниченномъ объемѣ. Но это не значитъ, чтобы уступки уголовного суда въ полномъ объемѣ не были всеобщіи, а происходитъ это отъ того, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ менѣе до насъ дошло этого рода грамотъ.

Съ XV вѣка, когда общегосударственная власть начинаетъ усиливаться преимущественно въ лицѣ московскихъ князей, проявляются первые начатки сосредоточенія уголовного суда въ лицѣ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей; сосредоточеніе это выразилось въ томъ, что, уступая митрополитамъ, монастырямъ, церквамъ и частнымъ лицамъ право суда, князья оставляютъ за своими намѣстниками судъ надъ душегубствомъ; но судъ по дѣламъ о разбой, воровствѣ и друг. по прежнему предоставляется упомянутымъ лицамъ и учрежденіямъ. Грамоты эти преимущественно относятся къ XV столѣтію и къ нимъ принадлежатъ: 1) гр. митрополиту Фотію 1423 г. (А. Э. т. I, № 23); 2) десять грамотъ Троицкому-Сергіеву монастырю, начиная съ 1414 по 1494 г. (ib. №№ 19, 28, 37, 51 — 53, 56, 122, 131); 3) Саво Сторожовскому 1404 г. (А. И. т. I, № 74); 4) три грамоты Спасо-Ефиміевскому мон. 1425, 1472 и 1473 (А. И. т. I, №№ 29, 83 и 87); 5) четыре грамоты Орановскому мон. 1437, 1438, 1448 и 1450 г. (А. Э. т. I, №№ 31, 36, 41 и 48); 6) Маріи Козининой и сыну ея Теодору, (ib. № 44); 7) двѣ Суздальскому Покровскому монастырю 1476 и 1514 г. (А. Э. т. I, № 102; А. И. т. I, № 119); 8) двѣ Каряло-Бѣлозерскому 1451 и 1488 г. (Доп. къ А. И. т. I, № 193; А. Э. т. I, № 124); 9) Симоновскому 1498 г. (А. И. т. I, № 106); 10) Ісифову Волоколамскому 1500 г. (А. Э. т. I, № 136); 11) Патріарху Іову 1599 г. (Госуд. гр. и догов. т. II, № 73); 12) Троицкому Бѣлосолонскому монастырю 1572 г. (А. Э. т. I, № 175). Въ этихъ грамотахъ или просто говорится, что княжескіе намѣстники, волостели и ихъ тѣуны не судить людей митрополичьихъ или монастырскихъ ни въ чемъ, oprичь одного душегубства, и что суятъ ихъ тѣ лица, которымъ уступается право суда, или, кромѣ того, прибавляется: *«а отдастъ и судитъ тѣхъ людей мнѣ, или монастырскій прикащикъ во всемъ, въ разбой и татбу съ полич-*

нымъ»; или: «а и татба съ поличнымъ иуменова жъ»; или: «а судитъ свои люди иумень самъ и татбу и разбой съ поличнымъ».

§ 4. Хотя самая отдача и пожалованіе князьями уголовного суда разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уже выражаетъ идею принадлежности права суда князьямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о нѣкоторомъ объединеніи суда; но не должно забывать того, что это право скорѣе является правомъ вотчиннымъ, чѣмъ государственнымъ, что это объединеніе есть объединеніе экономическое, а не юридическое. Князь отдаетъ или жалуетъ судъ не какъ свое право охраненія юстиціи, а какъ право на доходъ, какъ кормленіе, жалуетъ извѣстному лицу и учрежденію, не какъ своему органу, предназначенному для отправленія юстиціи, а какъ подчиненному вотчиннику, который, главнымъ образомъ, подобно князю, заинтересованъ полученіемъ доходовъ.

Во всѣхъ этихъ грамотахъ изслѣдователя именно поражаетъ эта сторона тогдашняго суда. Читая ихъ, вы видите, что дающій и принимающій заинтересованы охраненіемъ своей власти и правъ на судъ какъ доходъ, а не самымъ отправленіемъ юстиціи, какъ дѣломъ общественнымъ, котораго бы они являлись только органами. *«И вы бы его слушали, а онъ васъ въдаетъ и судитъ по старой пошлннѣ какъ было преждъ сего»* (А. И. т. I, № 110; Гос. гр. и дог. т. II, № 46)—обыкновенное выраженіе грамотъ послушныхъ и грамотъ на кормленіе. Лучше всего этотъ характеръ суда можно усмотрѣть въ такъ называемомъ судѣ смѣсномъ или вообще, т. е. когда истецъ живетъ въ вотчинѣ одного князя, или монастыря, или отдѣльнаго дружинника, а отвѣтчикъ въ области другаго. Въ такомъ случаѣ судить дѣло оба судьи и права ихъ опредѣляются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *«А смѣшается судъ его людемъ съ Улечаны, а намѣстники мои судятъ, а Никонъ иумень съ ними, или кому прикажетъ, а прибыткомъ ся дѣлятъ»* (А. Э. т. I, №19). *«А смѣшается судъ смѣсной, говорится въ другой грамотѣ, монастырскимъ людемъ съ городскими или съ волостными людьми, и намѣстники мои и волостели и ихъ тѣуни судятъ, а иумень съ ними судитъ, или кому прикажетъ; а правъ ли будетъ, виноватъ ли монастырской челоуцькъ, ино его въдаетъ иумень въ правдѣ и въ винѣ, а намѣстники мои и волостели и ихъ тѣуни не вступаются въ монастырскаго челоуцька ни въ праваго, ни въ виноватаго; правъ ли будетъ, виноватъ ли городской или волостной челоуцькъ, и намѣстники мои и волостели и ихъ тѣуни знаютъ своего городского или волостнаго челоуцька и въ правдѣ и въ винѣ, а иумень не вступается, или его прикащикъ, въ волостнаго челоуцька ни въ праваго, ни въ виноватаго.»* (А. Э. т. I, №№ 23, 28, 37, 51—53; А. И. т. I, №№ 29, 74). Не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія служатъ дошедшіе до насъ, немногочисленные юридическіе памятники о продажѣ и промѣнѣ уголовного суда въ цѣломъ его объемѣ. Въ грамотѣ 1653 г. ростовскому воеводѣ о ненарушеніи правъ вообще и суда въ частности, предоставленныхъ разными государями патриаршей домовою Карашскою отчинѣ, изложено содержаніе мѣнновой сдѣлки, нѣкогда заключенной великимъ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ, сыномъ

Донскаго, съ митрополитомъ Кипріяномъ. На основаніи этой мѣнковой великій князь взялъ у митрополита Кипріяна городъ Алексинъ, домашнее мѣсто Св. Богородицы, съ данью и съ оброками и съ судомъ, *«и разбой и татба съ поличнымъ, и съ душегубствомъ, и со всемъ съ тѣмъ: какъ купилъ чудотворецъ Петръ митрополитъ»*. А въ замѣнъ Алексина великій князь далъ митрополиту Кипріяну слободку Святославлю *«со всемъ, съ данью и съ оброкомъ и съ судомъ, и разбой и татба съ поличнымъ и съ душегубствомъ, и со всеми пошлинами»*. (А. И. т. IV, № 73). Въ обонезской откупной грамотѣ 1434 г. говорится, что Якимъ Гурьевъ и Матвѣй Петровъ покупаютъ у великокняжескаго намѣстника у Григорія Васильевича судъ великаго князя *«внизъ по Волхову, и на Паши на рѣкѣ, и на Кожель, и на Курковскомъ погостѣ, и на Курковѣ горѣ, и на Лыпнѣ и на Сьтомлѣ, и на Оятѣ на рѣкѣ, и Курковскаго погоста гдѣ нибудь, или въ городѣ, или въ селѣ: ино платити имъ судъ Великаго Князя по старинѣ, а судъ имъ судити и пошлины имати имъ по старинѣ и вѣрное имъ имати»*, (А. Э. т. I, № 27). Въ этой грамотѣ замѣчательны два выраженія: *платити судъ*, — выраженіе прямо указывающее на то, что судъ для князей имѣлъ значеніе вида пошлины и оброка, словесчъ дохода; *и вѣрное имъ имати*, — выраженіе доказывающее, что Гурьевъ и Петровъ купили и уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, потому что *вѣрное, вирное или вира* взымалась за уголовныя преступленія и замѣняла наказаніе въ нынѣшнемъ смыслѣ. Продажа эта, вѣроятно, была продолженіемъ той обычной уступки суда, о которой говорится еще въ договорной грамотѣ Новгородца съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 г. *«А судъ, княже, говорится въ этомъ договорѣ, отдалъ Дмитрій съ новгородцы Блжениномъ и Обонезаномъ на 3 лѣта, судбѣ не слати»* (Государственныя грамоты и дог. т. I, № 1, стр. 1, стол. 2-й).

§ 5. Давно уже въ нашей историко-юридической литературѣ высказано и доказано было мнѣніе, что преступленіе у славянскихъ племенъ и позднѣе, въ періодъ Русской Правды, считалось болѣе дѣломъ отдѣльнаго лица и его рода, чѣмъ общественнымъ, что оно, по понятіямъ тогдашняго человѣка, имѣло характеръ обиды и почти уравнено было въ важности и значеніи съ гражданскою неправдою. Чтобы не говорили противъ этого позднѣйшіе изслѣдователи-юристы, но доказательства ихъ не могутъ поколебать этого положенія. Все, что они приводятъ, доказываетъ только, что и тогда проявлялось иногда значеніе юстиціи, какъ учрежденія общественнаго, что и тогда преступленіе вызывало въ слабой степени общественное противодѣйствіе; но то и другое было еще слишкомъ слабо, слишкомъ исключительно для того, чтобы придать преступленію то значеніе и тотъ характеръ, которые оно имѣетъ въ глазахъ современнаго человѣка. Между тѣмъ, самыя рѣшительныя доказательства существуютъ въ пользу прежде добытой и доказанной истины.

До возникновенія общегосударственной власти въ лицѣ князей, преступленіе не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только *обидою*, нарушеніемъ интересовъ и правъ члена одного рода или племени и вмѣстѣ самаго рода и племени;

равнымъ образомъ и наказаніе не могло явиться въ другомъ видѣ, какъ только въ видѣ удовлетворенія посредствомъ мести или посредствомъ денежнаго вознагражденія, которое добывалъ себѣ или получалъ обиженный и его родъ. Иначе и не могло быть, потому что не было такой власти, которая могла бы придать и преступленію и наказанію характеръ выше интересовъ частныхъ и родовыхъ. Появленіе княжеской власти не имѣло господствовавшего въ то время характера преступленія и наказанія; причина этого лежала въ томъ, что самые князья были вполне произведеніемъ тогдашней жизни славянъ, а равно и въ томъ, что нѣтъ такой силы, которая бы гдѣ и когда нибудь въ состояніи была вдругъ измѣнить бытъ народа и его міровоззрѣніе, а тѣмъ болѣе, если эта сила сама — въ началѣ своего развитія. Правда, князь является въ судѣ вообще и въ уголовномъ въ частности какъ бы посредникомъ, но этого недостаточно для того, чтобы придать преступленію и наказанію характеръ общественный въ настоящемъ смыслѣ слова. Князь или его намѣстникъ беретъ, какъ и до него брали, за преступленіе известную плату; плата эта и теперь, какъ и прежде, падаетъ не на одно виновное лицо, но и на его родъ, на ту общину, въ которой оно живетъ (Русская Правда, изд. Калачова сп. I ст. 19, сп. II ст. 3, III ст. 3 и 4). Даже въ позднѣйшее время, почти вплоть до изданія губныхъ грамотъ и второго Судебника, когда обыску дано такое обширное развитіе и онъ получилъ общегосударственное значеніе, власть не заинтересована во что бы то ни стало отысканіемъ преступника и его наказаніемъ, а съ готовностью мѣняетъ общественный интересъ на денежный. Въ болѣе древнихъ уставныхъ и въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ, сказы и рядомъ встрѣчается такое выраженіе: *«а учинится въ той волости и въ ихъ селахъ и въ монастырскихъ деревняхъ душегубство, а не доищутца душегубца, и намѣстники наши возьмутъ на монастырскихъ крестьянъ за голову четыре рубли московскихъ, а доищутца душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тѣномъ, а крестьяномъ въ томъ виры и проважи нѣтъ»*. (А. Н. т. I, №№ 125, 137 и 141; А. Э. т. I, №№ 123, 143 и 181). Очевидно, что это уже есть измѣненіе того болѣе древняго способа взысканія за преступленіе, когда князь и его намѣстникъ были озабочены исключительно только вземаніемъ виры съ общины, безъ всякаго отношенія къ отысканію самого душегубца. Но это измѣненіе слишкомъ близко еще къ старой формѣ: общегосударственная власть не требуетъ, чтобы община непременно отыскала душегубца, какъ она стала того требовать позднѣе, а предоставляетъ усмотрѣнію общины, или сыскать и выдать, или же въ противномъ случаѣ заплатить четыре московскихъ рубля. Тотъ же взглядъ власти на преступленіе и тѣ же отношенія ея къ нему проглядываютъ и въ такъ называемомъ *самосудѣ*, опредѣленіе котораго встрѣчается въ большемъ числѣ грамотъ. *«А самосуда, говорится въ этихъ грамотахъ, наши намѣстники и ихъ тѣни емлютъ два рубли московскіе; а самосудъ то: кто поймаетъ татя съ поличьемъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тѣномъ не явитъ, а его въ томъ уличатъ, ино то самосудъ, а опрочъ того самосуда нѣтъ»*. (А. Э. т. I,

№№ 13, 123 и 150; А. Ш. т. I, № 137). Такимъ образомъ, здѣсь собственно не запрещается самосудъ подъ страхомъ уголовного наказанія, а только берется известная сумма денегъ, которой власть лишена была чрезъ самосудъ, и слѣдовательно, въ этомъ случаѣ власть опять-таки заботится не о наказаніи вора, а о восстановленіи своихъ денежныхъ интересовъ. Наконецъ, не менѣе сильнымъ подтвержденіемъ защищаемого нами положенія служить то, что въ это время въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ дозволялось примиреніе потерпѣвшаго отъ преступленія съ преступникомъ. Примиреніе въ тяжкихъ преступленіяхъ, къ известнымъ случаямъ, не запрещается даже въ обоихъ Судебникахъ. (А. Ш. т. I, № 105; Судебн. 1497 г., статья о полевыхъ пощлинахъ; Судебникъ 1550 г. ст. 9—12). Въ Актахъ Юридическихъ 1838 г., помѣщено нѣсколько подобныхъ мировыхъ сдѣлокъ, а именно: а) мировая 1560 г., заключенная слугою Новинскаго монастыря съ крестьянами Кириллова монастыря, убитыми Ѳомипа, слугу Новинскаго монастыря (А. Юр. 1838 г., № 270); б) мировая 1577 г. трехъ крестьянъ съ женою и зитемъ убитата ими площаднаго пшца (ib. № 271); в) три мировыя въ грабежъ и татьбѣ 1625, 1642 и 1697 г. (ib. №№ 274, 275 и 277). Всѣ эти мировыя относятся къ XVI и XVII стол.; но это нисколько не доказываетъ, чтобы мировыя по преступленіямъ не допускались и не практиковались прежде. Въ самомъ дѣлѣ, если мы встрѣчаемъ ихъ въ то уже время, когда возобладала общегосударственная власть и когда преступленіе и наказаніе получаютъ тотъ характеръ, каковъ они и нынѣ имѣютъ, то мы совершенно вправѣ заключить, что эти мировыя — только обломки нѣкогда господствовавшего порядка, что мировыя по преступленіямъ были нѣкогда самымъ общепотребительнымъ способомъ восстановленія права, нарушеннаго тяжкимъ преступленіемъ, и что если мы ихъ не имѣемъ отъ временъ болѣе старыхъ, то это просто означаетъ, что они или утеряны, или не обнаружены. Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя выраженія этихъ мировыхъ сдѣлокъ, выраженія, вполне подтверждающія доказываемое нами положеніе. Такъ, убійцы площаднаго пшца говорятъ: *«а за убитую голову головища платитъ намъ, мнѣ Михаилу, да мнѣ Данилу, да мнѣ Стефану, а Ульянъ (женѣ убитата) да Василию (зятю убитата) съ той головищитъ убытка не довести ни котораго.»* (ib. № 271). *«А государеву пеню и вѣрные деньги, говорится въ другой грамотѣ, я Олдрюшка (на котораго была жалоба въ грабежъ и въ онойной крестьянской головѣ Никона Филипова) перевелъ на себя.»* (ib. № 275). И понятно: пока власть блюла судъ, какъ дань, ей нѣтъ дѣла до личности преступника и до его наказанія, лишь бы эта дань была получена.

Производство уголовного суда въ это время ничѣмъ не отличалось отъ производства суда гражданского: это былъ судъ отъ начала до конца состязательный и обвинительный. Изъ обнаруженныхъ списковъ уголовного и гражданского суда даже нѣсколько позднѣйшаго времени видно, что форма ихъ была одна и та же; въ первомъ и во второмъ употребляется выраженіе: *тяглася* такой-то съ такимъ-то; и тамъ и здѣсь судья спрашиваетъ присутствующихъ истца и ответчика (А. Юр. 1838 г.: № 10—судъ въ поджогѣ;

№ 17—судъ въ грабежѣ и побояхъ). Самыя доказательства и способы ихъ изысканія—что всегда имѣть такое сильное вліяніе на свойство мѣръ предупрежденія, — въ уголовномъ судѣ употреблялись тѣ же, какъ и въ гражданскомъ, а именно: свидѣтельство, клятва, судъ Божій, поединокъ. Эти доказательства называютъ, что еще не возникла мысль объ общественной обязанности и необходимости, во что бы то ни стало, естественными средствами отырывать преступленіе.

§ 6. Изложенное нами о значеніи суда въ первый періодъ княжеской власти, о его вотчинномъ характерѣ, его дробленіи, мѣнѣ, продажѣ, о взглядѣ на преступленіе, какъ на нарушеніе, главнымъ образомъ, личныхъ или родовыхъ интересовъ, а на наказаніе, какъ на удовлетвореніе тѣхъ же интересовъ, о чистѣ-обвинительномъ порядкѣ судопроизводства, — предпринято нами съ тою цѣлью, чтобы доказать, что при такомъ порядкѣ и такомъ міросозерцаніи не могло установиться другой мѣры предупрежденія, кромѣ порукъ, и что, слѣдовательно, существованіе порукъ условливалось тогдашнимъ бытомъ и устройствомъ и было въ полной съ ними гармоніи. Такъ какъ каждый судья—былъ-ли то князь, его намѣстникъ, волостель или тиунъ, былъ-ли то митрополитъ или его намѣстникъ, былъ-ли то архимандритъ, игуменъ или ихъ прикащикъ, былъ-ли то, наконецъ, дружинникъ,—въ судѣ блюлъ свой прибытокъ, тѣсно связанный съ личностью истца и отвѣтчика, то, очевидно, онъ не могъ допустить рѣзкаго вмѣшательства посторонняго судьи, въ случаѣ жалобы посторонняго человека на живущаго въ его области. Онъ не имѣлъ интереса овладѣвать личностью подлежащаго его суду человека, въ случаѣ жалобы посторонняго, и все, что онъ могъ и хотѣлъ, въ обезпеченіе правъ и интересовъ этого послѣдняго и его судьи, предложить,—это поруки. Далѣе, если, какъ выше было сказано, отвѣтственность за злое дѣло падала не на виновника только, но и на его родъ или общину, среди которой сей послѣдній жилъ, и если притомъ цѣль суда, отправляемаго княземъ или другого наименованія судьей, состояла въ томъ, чтобы, удовлетворивъ обиженнаго, получить, главнымъ образомъ, свой прибытокъ, то само собою разумѣется, что совершенно не было необходимости овладѣвать личностью виновнаго на все время суда; напротивъ, рациональнѣе было воспользоваться порукою лицъ близкихъ къ виновнику, такъ какъ эти поручавшіеся вполне отвѣчали за вознагражденіе, слѣдуемое съ ручаемаго.

Что поруки были самою употребительною и едва-ли не единственною, по крайней мѣрѣ въ теченіе большей части этого періода, мѣрою предупрежденія въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—это подтверждается какъ смысломъ, такъ и подлинными словами многихъ юридическихъ памятниковъ. Въ первый разъ поруки упоминаются въ Русской Правдѣ. Въ ст. 13 (акад. списка изд. Калачова) говорится: *«Если кто познаетъ свою вещь, то онъ не беретъ и не говоритъ: мое; но говоритъ тому, у кою та вещь, такъ: поиди на сводъ, идъ взялъ эту вещь; если не поидетъ, то представляетъ поручника въ теченіе пяти дней»*. Въ вышеприведенныхъ грамотахъ, въ которыхъ предоставляется разнымъ лицамъ и учрежденіямъ уголовный судъ въ полномъ его объемѣ, или за исключеніемъ одного душегубства, постоянно говорится, что

людей своих вѣдаетъ и судить во всемъ то лицо, которому дается право суда, или его прикащикъ. Известно, что даже въ позднѣйшее время, въ періодъ Судебниковъ и Соборнаго Уложения, слово *судъ* выражаетъ ту форму и тотъ способъ судопроизводства, въ которомъ мѣрою предупрежденія служили поруки. Въ другихъ грамотахъ встрѣчается такое выраженіе: «*А что ся учинитъ, или розбой, или душегубство, или татба, который судъ ино будутъ межю монастырскихъ людей, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ; а нашимъ судьямъ не надобъ ничто*» (А. Э. т. I, № № 5, 1361 г.; 34 1437—1461 гг.). Слова: *и дворянъ даетъ*, равнозначительны словамъ: *даетъ пристава*. Оба эти выраженія употребляются въ нашихъ юридическихъ памятникахъ всегда въ томъ смыслѣ, что, вслѣдствіе челобитной по гражданскому или уголовному дѣлу, судья отряжаетъ недѣльщика съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ отвѣтчика на поруки въ томъ, что онъ въ назначенное время явится въ судъ къ отвѣту. Изъ грамоты о судныхъ срокахъ очевидно также употребленіе порукъ въ разбоѣ, татбѣ и грабежѣ. *И кто ихъ людей монастырскихъ изобидитъ*—говорится въ грамотѣ вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову мон. — *изъ моя вотчины князя Андрея Васильевича моихъ людей, разбоемъ и грабежемъ и татбами, или какими иными дѣлами обидными, и азъ князь пожаловалъ есмь, велѣлъ на тѣхъ людей, по своей грамотѣ, срочные наметывати во всей своей вотчинѣ предъ себѣ князя*» (А. Э. т. I, № 55, 1455 г.; Доп. къ А. И. т. I, № № 193, 1451 г.; 196, 1455 г.; 203, 1471 г.). Сроки тѣсно связаны были съ отдачею на поруки; а потому, гдѣ говорится о срокахъ, тамъ само собою должно разумѣть и существованіе порукъ. Когда стали употреблять въ видѣ мѣры предупрежденія отдачу за пристава и содержаніе въ тюрьмѣ, когда обыскъ и пытка сдѣлались главными способами открытія и доказательства преступленій, тогда сроки стали неумѣстны, потому что не было нужды назначать обвиняемому срокъ для явки, когда обвиняемый находился за приставомъ, или въ тюрьмѣ. Дѣйствительно, въ грамотахъ слѣдующаго періода о судныхъ срокахъ устанавливаются сроки съ оговоркою. «*На крестьянъ имати приставовъ*, говорится въ одной изъ такихъ грамотъ, 1591 г., *въ управныхъ дѣлахъ, въ какихъ либуди, отъ розбоя и татбы съ полчицымъ, и тѣ приставы чинятъ имъ два срока въ году*» (ib № 228). Во всѣхъ до сихъ поръ указанныхъ нами грамотахъ не содержится прямого упоминанія объ употребленіи порукъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, хотя въ нихъ есть данныя, изъ которыхъ изслѣдователь имѣетъ право сдѣлать положительный выводъ объ употребленіи порукъ въ этихъ случаяхъ. Но есть нѣсколько грамотъ, содержащихъ въ себѣ прямое указаніе, что поруки были обыкновенною мѣрою предупрежденія въ убійствѣ, разбоѣ, грабежѣ и татбѣ. «*А учинится*, говорится въ грамотѣ 1448—1468 г. бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, *у нихъ душегубство, и намѣстники мои Бѣлозерскіе и ихъ тѣни и доводшики, будутъ душегубецъ въ лицехъ, ино дадутъ душегубца на поруки, на кого молвлятъ и за тою порукою поставятъ **»

*) Выраженіе «*поставятъ его*» отнюдь не означаетъ насильнаго представленія обвиняемаго приставомъ въ судъ; это общее выраженіе какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, означающее только, что явка въ судъ была въ завѣдываніи пристава.

его *предо мною княземъ* (Доп. къ А. И. т. I, № 189.) «*А лучится татба и разбой съ поличнымъ, говорится въ другой грамотѣ 1465 г. дмитровскаго князя митрополиту Филиппу, и волостели мои дадутъ своихъ приставовъ да велѣть дати обоимъ исцовъ на поруку, да поставятъ съ поличнымъ предо мною княземъ.* (А. Э. т. I, № 1465; подобная же гр. № 99, 1473 г.; А. И. т. I, № 119, 1514 г.; Доп. къ А. И. т. I, № 17, 1479 г.). То же самое устанавливается и въ договорной грамотѣ 1494 г. великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича съ братомъ его роднымъ Федоромъ Васильевичемъ: «*А въ городъ въ Переяславль быти, брате, твоему третичику съ моимъ намѣстникомъ съ большимъ въ душезубствѣ и разбой и въ татбѣ съ поличнымъ, и на посаде межю моихъ людей и твоихъ людей, и межю чьихъ людей ни буди, ино пристава дасть мой намѣстникъ великаго князя. А прилучится твоего третичика намѣстникъ тѣто, и онъ съ нимъ идетъ и на поруку дасть; а не прилучится, и пристава моего намѣстника одинъ идетъ безъ твоего третичика пристава на поруку дасть, и поставитъ предъ моимъ намѣстникомъ, и мой намѣстникъ судитъ» (Госуд. грам. и догов. т. I, № 127). Нужно замѣтить, что законодательные памятники, въ которыхъ прямо или косвенно говорится объ отдачѣ на поруки обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, относятся къ XIV и XV стол.; но это нисколько не можетъ поколебать того положенія, что поруки, какъ мѣра предупрежденія, есть древнѣйшее народное учрежденіе, что онѣ ведутъ свое начало раньше возникновенія княжеской власти и были въ употребленіи также до XIV стол., какъ и въ эти два вѣка. Если поруки являются столь сильнымъ учрежденіемъ въ XIV и XV стол., когда уже зарождался иной, неблагоприятный для нихъ порядокъ, то съ полною вѣроятностью мы вправѣ сказать, что онѣ были столь же, если не болѣе, общимъ учрежденіемъ до того, когда господствовала система, вполне имъ гармонирующая.*

§ 7. Съ поруками, какъ мѣрою предупрежденія, было тѣсно связано другое учрежденіе, столь же общее и могущественное въ то время, какъ и онѣ: это—*пристава*. Въ этотъ періодъ нашего законодательства слово *пристава* не столько означало названіе одной опредѣленной должности, сколько выражало исполненіе судебной обязанности, и преимущественно отдачу на поруки служилыми лицами, носившими разныя наименованія. Эти служилыя лица, бѣзвѣщія приставами и давашія на поруки, назывались разными именами: отроками, мечниками, емцами въ Русской Правдѣ (Изслѣд. объ уголовн. правѣ Рус. Правды, Ланге, стр. 73—75), дворянами (Госуд. гр. и дог. т. I, №№ 14, 15; А. Э. т. I, №№ 5, 13, 34, 37), доводчиками (А. Э. т. I, №№ 35, 38, 41, 95, 150, 242, 243; А. И. т. I, №№ 15, 25, 49, 58; Д. къ А. И. т. I, № 17), позовниками и подвойскими (Госуд. гр. и дог. т. I № 20; А. Э. т. I, №№ 13, 58), ходоками, ѡздоками (А. И. т. I, № 14; А. Э. т. I, № 259), а еще позднѣе—недѣльщиками. Имя пристава встрѣчается уже въ XIII стол., преимущественно въ договорныхъ грамотахъ великихъ князей съ Новгородомъ (Госуд. грам. и дог. т. I, № 3, 1270 г.; № 8, 1305 г.). Приставъ былъ неотъемлемою принадлежностью каждаго судьи, признакомъ его самостоятельности и независимости отъ всякаго